

присвоения чужого, к которому сообщество абсолютно индифферентно, в отношении которого у сообщества нет никаких планов — посторонний чужой, вечно вторичное присвоение.

В стратегии *враждебности* переход от первичного присвоения к вторичному более чем невозможен и представляется немыслимым предательством.

Три представленные стратегии толерантности — терпимость, индифферентность и враждебность — в рамках автономного дискурса толерантности взаимоисключают друг друга. Таким образом, если автономный дискурс толерантности руководствуется требованием выработки аутентичной концепции толерантности, а требование аутентичности, по сути, единственное, следуя которому, дискурс толерантности способен поддерживать свою автономность, тогда концепт толерантности исключает ауто толерантность. В этом, пожалуй, основной парадокс толерантности, разрешать который в рамках автономного дискурса толерантности нет смысла, поскольку, как мы сформулировали в самом начале статьи, развитие автономного дискурса толерантности подчинено количественному принципу: чем меньшая толерантность будет проявлена к противоположным мнениям в ходе выяснения подлинной толерантности, тем большая толерантность будет обнаружена на выходе.

Д. В. Лебедев

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМА РИТУАЛА И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Исследование ритуала в традиционных (архаических) и современных «обществах» позволяет обнаружить два возможных понимания толерантности.

Ритуал разворачивается между двумя полюсами: нарушенным равновесием и первоначалом — сакральным актом установления гармонии и порядка. Развертывание действия направлено в сторону первоначала, задающего меру подобия ритуала. Ритуальные действия уподобляются акту творению мира и

осуществляют «воспроизведение в настоящем этого первичного события»¹, по отношению к которому и определяется степень соответствия/не-соответствия персонажей священнодействия. Во взаимной игре соответствий и не-соответствий в пределах ритуала и задается мера толерантности, которая «о-берегает» его от вырождения в праздник — пустую форму.

В христианском дискурсе, культивирующем единство личности, персонажи образуют ореол вокруг центра, который задает истинную направленность в самораскрытии религиозного субъекта, для которого социальные роли всего лишь средства для достижения подлинной цели.

Таким образом, христианская модель личности реализует архаическую модель отношения первообраза к ритуалу. Первообраз, как и целостная личность, связывает между собой персонажей ритуального действия, задавая им направленность в самораскрытии.

Наша ближайшая цель не будет являться попыткой занять внешнюю по отношению к подобному описанию ритуала и личности позицию. Подобное противопоставление внешнего/внутреннего возможно лишь в рамках ритуала, где персонажи взаимоопределяются через различия друг от друга (хороший/плохой, герой/злодей и т. д.). Позиционирование как таковое предполагает наличие прообраза, который и является мерой истинного и ложного.

Прообраз мыслится находящимся по ту сторону ритуала лишь в актах взаимообмена самих персонажей («мы поступаем так, потому что есть...»). Но с другой стороны, легитимность действия персонажей в рамках ритуала задается трансцендентным первообразом. Таким образом, персоны вступают в знаковый обмен не только и не столько между собой, сколько с прообразом.

Из представленного круга взаимных отсылок можно сделать следующий вывод: участники перворитуала, результатом действия которых является гармонизация вселенной, такие же персонажи священнодействия, как и живые люди. Границы ритуала размываются, но более того, стирается и сам ритуал, представляющий истину. Ритуал и персонажи в нем всего лишь след

¹ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 56.

потока силовых, энергетических полей, среди которых не существует, не присутствует доминирующего направления, задающего общую направленность всем остальным персонажам. Толерантность здесь сворачивается в складку безнаправленных направленностей, несовпадение совместности которых без доминирующего уровня и есть тот *tolerance*, обнаруживающий себя в разломе, трещине бытия.

Совместность несовместного, взаимное противоборство, где дар всегда оборачивается ядом (М. Мосс)², конституируют пространство ритуала вновь и вновь. Взаимовозбуждаясь друг от друга, персонажи образуют бытие-вместе, всегда уже настоящее, балансирующее на грани над пропастью ничто.

К. Человечков

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЕДИНОЕ В ГЕТЕРОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Полагаю, что парадоксальность современного понятия толерантности заключена в его слиянии со своим антиподом. Толерантность и интолерантность суть одно и то же, а точнее, сливаются воедино. Одно можно с легкостью заменить другим без какого-либо ущерба, и то и другое становится лишь означиванием произвольно взятого отношения, которое в первую очередь не что иное, как самоидентификация.

Толерантность — это позиция, это подтверждение Другого в себе, это в первую очередь какая-то направленность. Это самоидентификация. Наше Я мыслится через Другого, оно утверждается через утверждение Другого и поэтому толерант-

² Мосс М. Очерк о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Тр. по социальной антропологии. М., 1996.